

ЖАННА

Платон Степанович не услышал, как она вошла. У нее была грация кошки, которую только вчера принесли из приюта, и вот она, отдрожав сутки под диваном, осторожно идет к блюдечку с молоком.

— Смородина?

— Да.

— Пэ Эс? Как постскрипtum?

— Платон Степанович. Очень приятно. А вы?

Смородина сообразил, что это он сам отключил и электрозамок, и домофон. А ассистентка Юлия Греч придет только через час. Господи, дома жена ключи не дает ему в руки, потому что однажды дала, так потом их полдня искали и нашли в сахарнице. Что именно ключи могли там делать, до сих пор никто не понимает. Сотрудников тоже еще нет, он специально пришел пораньше, чтобы перечитать на свежую голову кое-какие документы. Тут-то она и проскользнула.

В ее облике было что-то болезненное и опасное одновременно, чем ему хотелось бы залюбоваться,

если бы не драгоценные минуты, еще не притупленного рутиной дел внимания, которые он хотел потратить на работу.

— Я Жанна.

Она посмотрела на него в упор. Ее лицо было завораживающе некрасивым. Крупные губы, большая квадратная челюсть и дрожащий взгляд раненой львицы. А еще у нее был редкий фиалковый цвет глаз, адвокат подумал, что она носит линзы. Густые, как парик, черные волосы, постриженные в длинное асимметричное каре, вызывали ощущение, что она из другой эпохи. Если Платон Степанович видел такую женщину на экране, он понимал, что это героиня с историей.

— Очень приятно, Жанна. Чем я могу вам помочь?

Известный в узких кругах московский адвокат начинал раздражаться. Вполне могло оказаться, что девушка нездорова душевно или просто любит поиграть в драму. А он даже перенес утренний круассан, чтобы выгадать час работы на свежую голову, который она так безответственно пожирает. Сейчас хрустел бы круассаном, добираясь до мягкого, как блин, теста. Накладывал бы на еще теплый круассан масло... Иногда он злился за свое воспитание, которое при всем желании не мог изменить.

— Вы какой-то не такой. Похожи на филина. Мне не надо было приходиться, — сказала она и резко вышла.

Актриса. Или участница какого-нибудь тренинга по раскрепощению, выполняющая задание «соверши неожиданный поступок». Такие не думают, когда воруют чужое время. Впрочем, она молода, а в таком возрасте человек всегда прав.

Платон Степанович прошел к рабочему месту секретаря, включил электрозамок с домофоном, вернулся на свое место и углубился в изучение документов.

Менее чем через час, в 10:01 заиграл его мобильный. Звонила Раиса Федоровна Ягужинская, директор камерного московского музея, набитого пылью веков и картинами XIX века.

— Платон Степанович, я вдогонку к моему письму...

— Какому письму?

— Ну, я вчера вечером поговорила с Жанной, потом еще девочки заходили, от одной из них муж ушел и теперь прописал в ее квартиру свою новую жену с ее детьми. Та пришла с милицией, сменила замки...

Смородина подумал, что, наверное, за свою полувековую жизнь эта женщина с локонами во вкусе XIX века ни разу не удержалась от того, чтобы не по-

сплетничать. Какой-то вид душевного расстройства! Борьба с этим было бессмысленно, можно было только пресекать.

— Письмо? Какое письмо?

— Пока мы все это обсудили, уже было поздно вам звонить. Вы же знаете, что это неприлично, писать в вотцап в нерабочее время. Этикет эволюционирует на наших глазах. Казалось бы, сообщение, текст. А ведь звоночек может обеспокоить.

— И вы отправили голубиной почтой?

— Почему голубиной? Электронной. — Электронную почту проверяла помощница Юлия Греч, которая, разумеется, только пришла. — Я встретила чудесную девушку Жанну. И вспомнила, что вы искали переводчика, который перевел бы для вас нечто непереводаемое.

— Да, статью по философии права.

— Я помню, что вы были недовольны специалистом, который оказался для нее дремуч. А Жанночка училась в Англии. И она такая же как вы — все время задумывается. У нее и лоб такой большой, вы увидите. Она мечтает стать правозащитницей, так я и посоветовала ей попроситься к вам на стажировку.

— Она не вежлива.

— Ну что вы? Мы точно говорим об одной и той же Жанне? То есть она у вас уже была?

— Позвоните ей, пожалуйста, прямо сейчас и скажите, чтобы она вернулась. Я дам ей статью, объясню, что к чему, и посмотрим, справится ли она. Это будет тестовое задание, и оно будет оплачено.

Посмотрев по диагонали текст, Жанна трезво оценила фронт работ. Адвоката подкупило то, как тонко она чувствовала нюансы, оттенки смысла. Девушка рассказала, что как раз выбирает, на кого идти учиться. Еще она массировала виски так, как будто у нее болела голова.

— У вас бывает такое, что вам кажется, что вы убили человека?

О, королева драмы. Нет, подруга, с этими богатствами тебе в театральную студию, а не к известному московскому адвокату. Ничего не скажешь, подложила кислую ягоду госпожа Ягужинская. Сбагрила со своих здоровых плеч.

— Нет.

Жанна задумчиво произнесла:

— А ведь можно убить и забыть. Если психика... У нас в городе женщина погибла. В парке. А до этого она что-то хотела мне сказать, хотя я ее не знаю.

— Так или иначе, вам нужна работа, а у меня она есть. Работа поможет вам собраться, сконцентрироваться, — произнося это, Смородина одновре-

менно прикидывал, какого психиатра он может пригласить посмотреть на будущую адвокатессу.

— Вы и правда похожи на филина, — хихикнула Жанна, соскользнула со стула и, зажав в руках сумку, быстро вышла из его кабинета.

Хотя похожий на филина Смородина больше удивился бы тому, если бы девушка назвала его Аполлоном Бельведерским, что-то озадачило его в искренности ее слов. Что это? Расстройство, которое не позволяет человеку вести себя вежливо? Непонимание субординации? Плохое настроение? Сложная игра? Но если да, то зачем?

Он позвонил Ягужинской.

— Раиса Федоровна, почему вы заинтересовались этой девушкой? И почему отправили ее именно ко мне? Она же очевидно, кхм, не подходит для работы с юридическими документами. Перевод — да, пожалуй. Но в письме вы пишете про стажировку или даже временную работу. Такого сотрудника брать если только для того, чтобы внедрить в конкурирующую фирму.

И он рассказал про их короткий диалог.

— Очень странно. Интеллигентная девочка. И не простая. Мы писали в газетах, что у музея протекает крыша, так они с матерью откликнулись и помогли. Клубом нашим заинтересовались. Я рассказала ей, как вы спасли одну женщину! Как сняли с нее

обвинение в убийстве! Совершили чудо! У Жанны аж лицо посветлело, я думаю, она заочно влюбилась в вас. Другое дело, что в восемнадцать...

— Восемнадцать? Я не дал бы ей меньше двадцати восьми. Она говорит, как уставшая от жизни женщина.

— Платон Степанович, сразу видно, что вы не общаетесь с молодежью. Молодые все сейчас выглядят старше своих лет. Да и точно ли мы говорим про одного и того же человека? У моей Жанны тонкие запястья, густое черное каре с челкой и трагедия во взгляде. Внешность во вкусе декаданса.

Смородина отметил, что Ягужинская, верховное божество всех московских сплетниц, человек внимательный и добрый. От другой директрисы он услышал бы, что Жанна редкостный урод.

— В точности так. Поэтическая внешность.

— Она в Москве почти никого не знает, не знает, как ее ищут, эту работу. Правда...

Тут Ягужинская замялась.

— Что?

— Только перед вами мне позвонила ее мама. Ой, у нее такая история жизни — в кино такое снимешь, не поверят. Там тайны и преступления. В семнадцать лет...

Раиса вздохнула. Вечно у этих законовевов не хватает времени для самого главного. Она цени-

ла связь со Смородиной, но ее расстраивало, что он никогда не рассказывал ей секретов своих доверителей. А ведь наверняка он знал много интересного.

— Один из ее вопросов так и засел у меня в голове: «А вы не заметили у моей дочери каких-то отклонений в психическом развитии?» Я предложила показать ее врачу, но у Эльвиры началась истерика. Я подумала, что я в этом не специалист. А вы самый здравомыслящий человек на свете.

Вечером после работы Смородину ждал сюрприз — его преследовали навязчивые мысли о чем-то связанном с его утренней гостьей. Раздражала неестественность ее поведения, одновременно было жаль, что он не дал ей высказаться. Он задумчиво ходил взад-вперед по гостиной, держа чашку чая, грыз шоколадные конфеты из набора, который принесла очередная благодарная клиентка, и разговаривал сам с собой. Корги Виктория Олеговна лежала у стены и неотступно следила за его перемещениями, ожидая, что ее позовут, чтобы почесать, или хотя бы дадут хрустик. Перед глазами адвоката стояли глаза раненой львицы.

— Что же это, черт возьми, такое. Я не могу удостоить каждую девушку, которой трудно найти себя в жизни.

У него было это противное чувство, как будто он что-то забыл. Подсознание требовало обратить на что-то внимание, но он не понимал, на что именно. Его любимая жена Алена, она же муза, спарринг-партнер по жизни и лучший друг, была в командировке. Перед тем как лечь спать, он позвонил ей.

— Я сегодня почувствовал себя старым.

— Из-за девушки с черным каре? Помнишь, когда мы познакомились, ты расстраивался, что в аспирантуре тебя считают слишком молодым?

Платон Степанович улыбнулся. Это Алена вырастила в нем рядом с его философской частью еще одну — внутреннего бизнесмена. До встречи с ней он расстраивался от каждой неудачи. Анализировал, рассматривал контекст. А она сказала: «Тысяча отказов, одна продажа — это очень хороший результат». И через несколько лет он переключался на эту мысль автоматически. Когда один из клиентов предложил ему войти в его сверхприбыльное предприятие, Алена, изучив предложение, сказала, что предпочитает быть бедной женой, нежели богатой вдовой. И, как обычно, оказалась права, поскольку, войди он в то предприятие, неизвестно еще, смог бы остаться в живых или нет.

На следующий день Жанна на службу не вышла и на звонок не ответила. Поэтому так неохотно трудоустраивают новичков — человека сначала при-